

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Окончание. Начало в №25.

Уже находясь дома, Пашка медленно начинал отходить от того ужаса, который испытал. Он закрывал глаза, в памяти, как наяву, появлялись картинки пережитого: горящий поезд, давка, люди на поле, самолеты, летящие так низко, казалось, рукой можно достать, непонятный удар в плечо и темнота.

В первый же день, когда он вернулся, к ним в дом набилось столько народа, что не продохнуть. Перед такой большой аудиторией ему не приходилось выступать, поэтому мальчишка растерялся. Потом постепенно начал рассказывать об увиденном. Конечно, он не сказал, насколько страшно ему было, и держался так, будто пережил не одну, а сотню бомбежек. Женщины плакали, а старики только и сказали: «Выходит, парень, ты первый из наших узнал, что такое настоящая война. Эта пострашнее гражданской будет».

- А где же наши мужики, неужели не оборонялись? – спрашивали женщины. - Ведь прет немец, не зная преграды. Неужто никого из наших не видел?

- Ладно, бабы, страна большая, на каждый метр пушку не поставишь. Поговорили и хватит, завтра на работу, - первым поднялся председатель, как бы приглашая всех к выходу.

В школу Пашка не пошел, решил работать в колхозе. Мать не противилась этому. Вначале взяли его подпаском. До белых мух он пас вместе с хромым Тимофеем колхозное стадо. Потом парня передали конюху. Всю зиму ухаживал за лошадьми, учился запрягать. Силенок не

хватало, так конюх помогал. Когда была нужда, посылали Пашку на реку с бочкой за водой. Одним словом, работал парень. И не только он, многие из деревенских ребят бросили из-за войны школу, чтобы помогать своим семьям.

В сентябре 1943 года нашелся Володя. Пришла от него весточка. В письме только несколько предложений, что жив, воюет, беспокоится, добрался ли до дома Пашка. В тот же вечер мать отписала ему, где рассказала о том, что случилось с братишкой. Было еще несколько писем, а потом, как отрезало, ни писем, ни известия о гибели.

Отец тоже писал домой. Был несколько раз ранен, но упорно собирался брать Берлин. Во многие дома уже пришли похоронки. Плач раздавался из разных концов деревни, это значило одно – еще кого-то не досчитается колхоз.

В конце 44-го перестали приходить письма и от отца. Мать каждый день ждала, но известий не было.

А каким был день Победы! Эту радостную весть тоже принес почтарь, вернувшись с почтой из села. Многие колхозники находились в поле и ничего не знали. Председатель отправил на все станы мальчишек, чтобы к вечеру весь народ собрать. В тот день почтарь даже письма не разносил, сказал, что ему не дали ничего, не успели с районом привезти. На самом деле, в такой день ему не хотелось обижать никого из солдаток, он знал, что есть в пачке и казенные письма.

Председатель выступил пред колхозниками. Его так и не призвали в армию по причине отсутствия настоящей

пятки, вместо нее была деревяшка – память о гражданской войне.

На следующий день опять по деревне стоял рев. Черная весть пришла и в дом Пашки. Пал смертью храбрых Степан в бою за Кенигсберг, погиб Володя при освобождении Варшавы.

И только отец вернулся с войны, почти слепой. Как он сказал, в Прибалтике его взрывной волной по глазам ударило. Он не стал сидеть дома, сразу напросился работать.

- Я с ума сойду, если буду без дела сидеть, - сказал он и принял свиноферму.

В начале 50-х на имя Павла пришло письмо с иностранным штемпелем. Он с недоумением распечатал его. Каково же было его удивление, когда он понял, что это от Володи. Под Варшавой его ранило и контузило. Почти бездыханное тело обнаружила собака. Она привела хозяина, который притащил раненого к себе в дом.

Ухаживала за ним его дочь Злата. Он долго не мог говорить и ходить. Дом был на отшибе, там гости были редкостью, да к тому же, хозяин сохранил козу и несколько ульев пчел. Поднял на ноги бойца. В 45-м он хотел вернуть раненого в Советскую Армию, но запротестовала Злата. Она успела влюбиться в молодого освободителя. Когда Володя более-менее стал сносно ходить и говорить, вместе с хозяином ходил в комендатуру и просил отправить его на Родину. Ответ был однозначный - ему светит тюрьма или высылка без права переписки.

Так Володя и остался со Златой. Они поженились официально, Володе дали полное имя - Вацлав. У них трое детей.

- Вроде все хорошо у нас в семье, - писал Володя, - но очень хочется увидеть родную деревню, обнять братьев и сестер.

Когда о письме узнали в сельсовете, первая реакция – никто ничего не получал. Но как не сказать об этом матери и отцу, ведь Польша теперь социалистическая? Обязательно следует встретиться родителям с сыном. Правда и неправда было получено разрешение на выезд родителей и Павла в Польшу.

Это была хорошая встреча. Не сразу все узнали Володю. Когда он уезжал из дома, ему было 19, а сейчас перед ним стоял взрослый мужчина с усами и седой головой, отец семейства. Он долго тискал Павла, вспоминая, как тот просился в армию.

На другой день Володя показал родным костел. Павел вспоминал свою церковь, и какой малиновый звон звучал оттуда в пору его детства. Правда, в селе колоколов не стало, но память осталась. Нет, не так звонят колокола на Руси.

Целую неделю гостили родители у сына, общались с внуками, которые хорошо говорили по-русски. Володина жена тоже сносно могла разговаривать с гостями.

На обратном пути заглянули к белорусской бабушке, она выжила в войну, была уже совсем старенькой и просила переехать к ней, ведь, кроме дочери, никого у нее не осталось. Сын погиб в первых же боях, он служил на границе, а дочка осталась на Урале.

Мать не прочь была вернуться в родной дом. Она так и сделала, когда умер отец Павла. А сам Павел тоже не усидел в родном колхозе. Строил дома на Севере, строил в Краснодарском крае, на Алтае. И только в 90-е, когда в стране началась неразбериха, и амбалы в красных пиджаках «начали рулить», решил возвратиться на Урал. К тому времени у него уже появились внуки. Сын с семьей остался жить на Севере, а дочка – вышла замуж за краснодарца. Разбросала жизнь семью.

Павел с женой приобрели домик в Гамово, рядом с тещем и тещей. Изредка навдываясь в родную деревню Оханского района, он видел, как хиреет все вокруг. Было горько и обидно. Несколько лет назад перебрался Павел Михайлович ближе к родной сестре, вторая уже на погосте. Он и сам не заметил, но куда бы ни заносила его судьба, всегда прислушивался, не звонят ли колокола.

Вот чего в жизни ему не хватало! И как приятно ему было однажды услышать родной малиновый звон. Оказывается, колокола относительно недавно снова заняли свое место на колокольне. Сестра сказала, что теперь вера возвращается, и никто никому не запрещает ходить в церковь.

Услышав в очередной раз малиновый звон, Павел вдруг понял – живет село. Может, и деревня будет жить еще долго. Он искренне считает малиновый звон символом не только своей жизни, но жизни сельской.

- Меня вот сюда в город привез правнук моей сестры Саша - сказал Павел Михайлович на прощание. - А я все равно скучаю по деревне. Правда, и здесь нет-нет, да услышу, как кто-то будто колокола перебирает. Ходить я уж не могу, Саша обещал, как только погода установится, в деревню меня на лето отправить. Вот такие мы уже стали старые, труженики тыла. Мне, почитай, вот-вот 90 ударит, а умирать неохота. Уж если под бомбежкой живым остался, значит, до ста лет надо дотянуть. А фотографировать меня не надобно, знаю, выгляжу плохо, да и не любитель я этого. Старых снимков нет, у детей остались. Когда приедут, поспрошайте у них.

Светлана Еловикова

ТВОРЧЕСТВО

Маргарита МАРТЬЯНОВА (Заякина).

- Я живу в Осе давно – более сорока лет. Пенсионер. Почти вся трудовая деятельность связана с газетой. Но родина моя – Оханский район, деревня Батаиха.

МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЕ

Спит деревня зимой
под сугробами,
Ни дымок не видать, ни дорог,
Замело мою малую родину,
И дома доживают свой срок.

Нет хозяев у них,
нет и жителей -
Все давно на погостах лежат,
Только тополи –
прошлого зрители -
В карауле почетном стоят.
Лишь весной оживает
Батаиха –
Дети тех, кто навеки утих,
Возвращаются

в старые домики
Из «хоромин» своих городских.
Огороды засадят картошкой,
И цветы под окном разведут,
А возможно, что даже
с гармошкой
Вечерком над речушкой
пройдут...
Вспомнят детство свое
босоногое,

Добрый теплый
родительский дом,
Речку малую за огородами
И черемухи цвет за окном.
Вспомнят тех, кто до пота
соленого
Здесь работал на фермах,
в полях,
Кто в годину для родины
горькую
Защитил свою землю в боях...
Сколько их по России
разбросано,
Перспективу утративших сел?
И дождутся ли нового времени,
Чтобы добрый хозяин пришел?

